Автор: Administrator
16.01.2006 01:28 -

Грустная история о королевских пингвинах, сладких сочных бананах и бесхитростных аборигенах.

Это случилось очень давно. От Антарктиды откололся огромный кусок ледника, и надо же было тому случиться, что именно на этом куске обитало многочисленное стадо величественных королевских пингвинов. Вообще-то, эти птички всегда отличались чуткой настороженностью и примерным поведением, но во время катаклизма в воздухе висел такой густой туман и проклятый кусок так мягко отчалил, что даже опытные дозорные ничего не заметили. Очухались только на пятый день где-то за пятидесятой широтой, когда, мягко выражаясь, было уже поздно – вокруг льдины на сколько хватало глаз лениво колыхался безграничный Тихий океан.

Королевские пингвины не упали духом и срочно созвали большое пингвинье вече, чтобы обсудить создавшееся положение. Впрочем, обсуждать-то было как раз и нечего – самому распоследнему недотепе было ясно: надо как-то жить дальше и приспосабливаться. О пропитании вопрос не стоял – окрестные воды буквально кишели чешуйчатым деликатесом. Правда, был один пунктик насчет акул и касаток, но тут уж как кому повезет: судьба – она, братцы, и среди королевских пингвинов судьба. Но вот солнце, чтоб ему нырнуть и не вынырнуть! Оно как с цепи сорвалось, с каждым днем забирается все выше и выше, и печет, и печет… Ночами-то было еще туда- сюда б терпимо, но с рассветом на небе разводили такое костровище, что даже закаленные королевские клювы не выдерживали и безобразно облуплялись. Пингвины дружно сыпали в воду, ныряли в прохладные лабиринты ледяных гротов, прижимались как рыбы-прилипалы нагретыми животами к пористому льду, но это приносило лишь временное облегчение. В стае участились случаи солнечных ударов со смертельным исходом. Да и самой льдины, единственного источника спасительной прохлады, с каждым днем становилось все меньше: теплые воды океана жадно обсасывали ее, будто гигантский брикет вкусного сливочного пломбира.

И все же выход был найден. Однажды один пингвин, спасаясь от белой акулы, шмыгнул в ближайшую ледовую расщелину. Проход был так тесен и коряв, что беглец, продираясь сквозь него, начисто соскоблил со своей спины роскошную пуховую шубейку. Боже, в каком виде он вылез на льдину! Каким ядовитым насмешкам подвергся со стороны своих чопорных сородичей! Но, как известно, хорошо смеется тот, кто смеется последний: через пару часов язвительным шутникам было уже не до шуток – квелые, одуревшие от жары, они ползали по льдине и беспомощно разевали раскаленные пересохшие клювы. А их бесшубейный товарищ между тем безмятежно рас- хаживал взад-вперед и даже чего-то там безалаберно насвистывал и нащелкивал. Мягкий бриз нежно овевал его оголенную спину, временами ему казалось, будто кто- то, очень добрый и заботливый, обтирает его прохладной влажной тряпочкой. Через три дня этот "общипанный пингуин" - такой презрительной кличкой наградили его сородичи – загорел, обветрился, закалился и даже начал беззастенчиво прибавлять в весе. Тогда-то б наконец, до всех дошло, как это хорошо и полезно – быть "общипанным пингуином". Надо ли после этого говорить, что через неделю на всей пингвиньей стае оставалось перьев и пуха не больше, нежели в самой обыкновенной подушке. Если бы какой-нибудь пытливый и дотошный орнитолог-пингвинист опустился в то время на льдину на легком белом парашюте, то, без всякого сомнения, он бы так яростно и недоуменно скреб свой затылок, что и сам бы не преминул превратиться в "общипанного пингуина". Но, повторяю, это было так давно, когда и в помине не было легких белых парашютов, хотя орнитологи, может быть, уже и были.

Незаметно бежали неделя за неделей. Льдина дрейфовала на север к экватору и катастрофически уменьшалась в размерах. Королевские пингвины, надо сказать, от- носились к этому обстоятельству достаточно спокойно. В их птичьих мудрых головах угнездился поистине философский взгляд на происходящее: все равно, мол, что-то всегда чем-то кончается. И вот, когда в одно прекрасное тихое утро на горизонте показалась полоска неведомой земли, никто из стаи не проявил особой радости, ни- кто не хлопал себя тощими крыльями по бокам, не подпрыгивал и не кричал: Земля! Земля! И в самом деле, что им эта земля? Вот если бы на горизонте замаячили ледяные торосы… А остров все выше и выше поднимался из волн океана, на глазах наливаясь сочной изумрудной окраской. Все пингвины, а их к этому дню оставалось не больше пятидесяти, сгрудились на выступающем пятачке своего необычного плавсредства и с любопытством всматривались в незнакомый пейзаж. Пологий песчаный берег плавной дугой заключал в своих объятьях чудесную лагуну; неподалеку от кромки воды тянулись к небу какие-то гигантские растения с пышными шевелюрами, очень похожими на кучи взлохмаченных зеленых перьев. По прибрежному золотому песку бегали и размахивали верхними конечностями какие-то существа. Перед лагуной шла полоса подводных рифов, яростно бурлили водовороты, поминутно появлялись и исчезали бесчисленные воронки. Вдруг льдина дернулась, затрещала и развалилась на несколько кусков. Пятачок, на котором находились пингвины, подхватило, закрутило течением и внезапно выплеснуло на лазурную гладь лагуны. Остальные куски ледяного поля крутились среди бурунов, крошились, ломались и отбрасывались обратно в открытое море. Пингвины поняли, что их долгое путешествие подошло к концу. На берегу что-то громко кричали неведомые

существа.

На этом острове с незапамятных времен обитали аборигены, которые были добрыми и бесхитростными дикарями. Круглый год они бродили по острову и питались сочными и сладкими бананами. Бананы росли и поспевали буквально на каждом шагу. Случались, правда, несколько дней в году, когда бананы почему-то медлили созревать; то есть, расти-то они росли, а вот становиться сочными и сладкими почему-то медлили. Именно в такие дни аборигенам приходилось кушать друг друга, чтобы не проголодаться. Но, как только бананы вновь становились сочными и сладкими, они тут же прекращали кушать друг друга, потому что ничего вкуснее бананов они не знали.

Когда аборигены увидели королевских пингвинов, заплывших в лагуну на настоящем облаке, они сразу догадались, что это сами боги почтили их своим визитом. На чудесных гостей тут же было наложено табу: ни один человек не смел прикоснуться к живому богу. Аборигены толпами бродили за пингвинами и щедро угощали их сочными и спелыми бананами. Надо ли говорить, что впервые за все время своих скитаний бедные птицы вздохнули свободно. Ни тебе настырных акул, ни кровожадных касаток, ни вконец опостылевшей льдины… Поистине, национальный парк – да и только! Да что там национальный парк? Эдем, сущий Эдем! Плюс эти милые двуногие… Обо всем заботятся, в обиду не дают, ходят по пятам, глаза закатывают и так смешно выкрякивают: Гуин-Гуин! Живут королевские пингвины на острове неделю, вторую, тучнеют, блаженствуют, о воспроизводстве уже подумывать начинают… И вдруг на всем острове наступает очередное внезапное безбананье. Пингвинам-то что? Попрыгали в лагуну да рыбки наелись, а вот – аборигенам…

И случилось так, что долговязый костлявый Мамбо вылез на восходе солнца из своего шалаша, не спеша прошлепал к ближайшему банановому дереву и чисто машинально надкусил от внушительной банановой связки. Через пару секунд и без того сморщенное лицо Мамбо исказила такая гримаса, что сидящий на верхней ветке пестрый попугай, увидев перекошенную рожу аборигена, поперхнулся, икнул и замертво рухнул вниз. Мамбо сплюнул несъедобную жвачку, вздохнул и возвратился в шалаш. Спустя некоторое время его по-охотничьи скрючившаяся фигура скользнула в густые заросли и исчезла из поля зрения.

Мамбо сидел в засаде, сжимая в правой руке бумеранг, кстати, весьма смахивающий на окостеневший банан, и ждал Млямбу. Они были соседями и очень хорошо друг к другу относились. Более того, Млямба очень нравилась ему, и он не раз уже порывался пригласить ее на ночную прогулку по берегу лагуны. Заведет, бывало, разговор и

вот-вот уже о прогулке заикаться начинает… а она хохочет, прыгает вокруг него, бананы ему на уши цепляет… ну, у него вся решимость и сходит на нет. Но сегодня он подстерегал Млямбу совсем не для того, чтобы приглашать на ночную прогулку. Какие прогулки, когда бананы перестали становиться сочными и сладкими! И вот уже третий час Мамбо с чутким вниманием вслушивался в долетавшие до его ушей крики птиц, жужжанье насекомых, шорох ветвей, шуршанье листвы. Каждый необычный звук заставлял его вздрагивать и беспокойно оглядываться. Ведь Мамбо отлично знал, что гибкая дивнокожая Млямба тоже сейчас не отсиживается в своем шалаше, но наверняка где-то поблизости подкарауливает своего долговязого соседа. Да, с этими бананами всегда так: уж если они перестают созревать, то по- чему-то сразу на всем острове.

Вдруг справа, в густых зарослях вечнозеленого кустарника, послышался громкий треск. Мамбо бесшумно выпрямился, развернулся вполоборота и метнул бумеранг. В кустах раздалось какое-то сдавленное хрюканье, которое, впрочем, тут же прервалось шумом рухнувшего тела. Страхуясь, Мамбо выждал еще полминуты – бумеранг не возвращался… Мамбо приблизился к зарослям и осторожно раздвинул их. Челюсти его лязгнули и окаменели, волосы раскурчавились и черными иглами растопырились в разные стороны, лупоглазие усугубилось настолько, что казалось, вот-вот и глазищи лопнут… Перед ним лежал, нелепо задрав клюв, мертвый бог Гуин-Гуин. Какого рожна он оказался здесь, в густом лесу, да еще в такую рань… Мамбо подвигал окаменевшими челюстями и поглядел по сторонам. Было тихо. Надо было что-то делать, но – что? Этого Мамбо не знал… И внезапно его осенило: бог, пусть даже и мертвый, должен вернуться на небо. Боги живут на облаках, они и сюда приплыли на облаке. Мамбо подарит мертвому богу облако, и тот вернется домой. Мамбо умел делать облако; тут всего и делов было, что развести костер и кинуть сверху охапку зеленых банановых листьев. Мамбо завалил бедного Гуин-Гуина сухими ветками, сбегал в шалаш за трутом и уселся добывать огонь. Не прошло и часа, как первые язычки пламени весело заплясали вокруг мертвого бога. Когда костер набрал силу, Мамбо накидал сверху свежесорванных банановых листьев. Повалил густой белый дым. У Мамбо защипало в глазах, сами собой навернулись слезы. Волна необъяснимого восторга окатила аборигена, он стоял и смотрел, как его облако уносит на небо душу мертвого Гуин-Гуина. Вдруг ноздри его затрепетали. Мамбо почувствовал, что к обычному едкому запаху гари примешивается струя невыразимо-сладкого, чудесно- вкусного аромата. Он недоуменно взглянул на костер. Сомнений не было, аромат струился оттуда, да, так аппетитно пахнуть мог только бог. Мамбо нагнулся, раз- греб палкой пылающие головешки и подковырнул лапу пропеченного Гуин-Гуина. Та с легкостью отделилась от тушки, умопомрачительный запах усилился. Мамбо выхватил из углей кусок пахучего бога и запрыгал вокруг костра, перекидывая горячий шмат из ладони в ладонь, чтобы тот поскорее остыл…

Пять минут спустя в кустах вновь послышался шорох, но блаженный Мамбо, яростно работая челюстями, ничего вокруг себя не замечал и не слышал. Листва заколыхалась и

на полянку несмело шагнула гибкая дивнокожая Млямба. Она с нескрываемым ужасом уставилась на жующего Мамбо, ее широкие вычурные ноздри то сужались, то расширялись. Мамбо, увидев свою соседку, радостно осклабился, протянул ей кусок печеного бога и подбадривающе закивал головой: Гуин-Гуин, мням-мням! Млямба осторожно погрузила свои здоровые зубки в ароматную мякоть… и – надо ли говорить, что вопрос о ночных прогулках по берегу лагуны в ту минуту был решен однозначно и положительно!

Весть о том, что эти милые, тучные, пухлые, неповоротливые и доверчивые Гуин-Гуины обладают, окромя своей божественности, еще и неповторимым, незабываемым вкусом, мгновенно облетела весь остров. Повсюду запылали костры, там и здесь заструились к синему небу на легчайших белых пирогах недоуменно-освобожденные души убитых богов. Через три дня на острове уже не было ни одного живого Гуин-Гуина. А тут и бананы вдруг стали поспешно созревать, становиться сочными, спелыми, сладкими…

Но аборигены оказались вполне благодарным народом. Память о необыкновенно вкусных богах нашла свое отражение в нехитрых сказках, в заунывных тягучих песнях, в зажигательных ритуальных танцах вокруг ночных костров. Каждый младенец буквально с молоком матери всасывал заветную мечту о непременном возвращении с неба чудесных богов. И поэтому неудивительно, что когда сорок лет спустя на горизонте показались громадные белоснежные паруса английской научно-познавательной эскадры, все население острова высыпало на берег лагуны. Еще не вполне веря глазам своим, аборигены трепетно протягивали руки к синему океану и восторженно спрашивали: Гуин-Гуин, мням-мням?!

Ну что к этому еще добавить? Будете проездом в Лондоне, в плотном графике посещений матчей английской премьер лиги и прочих светских раутов уделите полчаса свободного времени Большому Ее Королевского Величества Музею Картографии и Мореплавания, что расположен на Малой Пикадилли. Там, в крайнем боковом зале на втором этаже, окна которого вот уже третий век смотрят строго на зюйд-вест, аккурат промеж засаленной треуголки известного пирата сэра Дрейка и изящным столовым прибором капитана Кука, висит на вколоченном в стену гвоздике пара засушенных пингвиньих лапок из архипелага Тобаго. На табличке, пришпиленной тут же, рядышком, вы прочтете немногословное объяснение, что сей амулет был снят с груди неизвестного аборигена, павшего достойной смертью в стычке с доблестным экипажем британского корвета "Неукротимый". Не забудьте при этом глубоко вздохнуть и немножко задуматься о бренности мира сего…

Андрей Журкин.